

169	0144-01	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 1 "Женщина и мужчина"
170	0144-02	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 2 "Твой свет"
171	0144-03	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 3 "Грешная грусть"

"У доброго огня" (Коренблит – Чичибабин)

Часть 2 "Твой свет"

1(23). Моцарт	– 3.35
2(24). Мы с тобой	– 2.30
3(25). Не спрашивай	– 1.20
4(26). Твоё лицо	– 1.46
5(27). Хвала тебе!	– 1.49
6(28). Великая любовь	– 2.21
7(29). Не жена	– 2.19
8(30). Твой свет	– 3.12
9(31). Такой останься	– 1.30
10(32). В долгу	– 2.16
11(33). В лесу	– 2.09
12(34). Белое озеро	– 1.24
13(35). Лесная музыка	– 1.44
14(36). Чем не рай?	– 1.11
15(37). Приготовление борща	– 2.34
16(38). Осень	– 1.44
17(39). Попутанные бесом	– 1.26
18(40). Хорал	– 1.45
19(41). Музыка зим	– 1.51
20(42). До свидания	– 2.28

Общее время звучания – 40.54

Общее время звучания – 2.22.01

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 "Твой свет"

1. МОЦАРТ

У моря ветер камни сыпал горсткой,
ракухи лускал.

Откуда Моцарт осенью приморской
на юге русском?

Он был как свет, не ведавший обмана,
не знавший спеси.

А где еще и слушать «Дон Жуана»,
как не в Одессе?

Придет пора – и я тебе наскучу,
Господня шалость.
Здесь сто племен в одну свалилось кучу
и все смешалось.

Под вольный шум отчаянного груза,
хвальбу и гогот
по образцам отверженного вкуса
схохмился город.

Сбегали к морю пушкинские строки,

овечьи тропы.
Лег на сухом и гулком солнцепеке
шматок Европы.

Здесь ни Растрелли не было, ни Росси,
но в этом тигле
бродяги мира в дань ребячьей грезе
театр воздвигли.

Над ним громами небо колебалось,
трубили бури,
лишь Моцарт был, как ангел или парус,
дитя лазури.

Он шел, свистя, по пристаням, по дюнам,
с волшбой приятя,
и я не зря о Пушкине подумал:
они как братья.

Я рад ему в налитой богом сини,
хотя, наверно,
играл оркестр и пели героини
довольно скверно.

Я б не хотел классичнее и строже,
и слава Богу,
что здесь блистают статуи и ложи,
как в ту эпоху.

Душе скитальца музыка желанна,
как сон о лесе,
а где еще и слушать «Дон Жуана»,
как не в Одессе?

Пусть стаи волн кусты и камни мочат,
и гаснут зори,
и чарам жизни радуется Моцарт
на Черном море.

2. МЫ С ТОБОЙ

Мы с тобой проснулись дома.
Где-то лес качает кроной.
Без движенья, без желанья
мы лежим, обнажены.
То ли ласковая дрема,
то ли зов молитвоклонный,
то ли нежное касанье
невесомой тишины.

Уплывают сновиденья,
брезжут светы, брызжут звуки,
добрый мир гудит как улей,
наполняясь бытием,

и, как до грехопаденья,
нет ни смерти, ни разлуки –
мы проснулись, как уснули,
на диванчике вдвоем.

Льются капельки на землю,
пьют воробышки из лужи,
вяжет свежесть в бездне синей
золотые кружева.
Я, не вслушиваясь, внемлю:
на рассвете наши души
вырастают безуcильно,
как деревья и трава.

То ли небо, то ли море
нас качают, обнимая,
обвенчав благословеньем
высоты и глубины.
Мы звучим в безмолвном хоре,
как мелодия немая,
за морожены мгновеньем,
друг во друга влюблены.

В нескончаемое утро
мы плывем на лодке утлой,
и хранит нас голубое,
оттого, что ты со мной,
и, ложась зарей на лица,
возникает и творится
созидаемый любовью
мир небесный и земной.

3. НЕ СПРАШИВАЙ

Не спрашивай, что было до тебя.
То был лишь сон, давно забыл его я.
По кругу зла под ружьями конвоя
нас нежил век, терзая и губя.

От наших мук в лесах седела хвоя,
хватал мороз, дыхание клубя.
В глуби меня угасло все живое,
безвольный дух в печали погребя.

В том страшном сне, минутная, как милость,
чуть видно ты, неведомая, снилась.
Я оживал, в других твой свет любя.

И сам воскрес, и душу вынес к полдню,
и все забыл, и ничего не помню.
Не спрашивай, что было до тебя.

4. ТВОЁ ЛИЦО

Люблю твое лицо. В нем каждая черта –

от облачного лба, до щекотных ресничек –
стесняется сказать, как ландышно чиста
душа твоя, сестра деревьев и лесничих.

Тому, кто чист душой, привычна нищета.
Для бывших бунтарей мы нищие из нищих.
Но ты, не помня зла, беспечно казнишь их.
Перед лицом твоим не страшно ни черта.

Люблю в него смотреть с наивностью сектанта.
Когда читаешь вслух Гомера или Данта,
ты всей душою там, в их думах дома ты.

Но тихо льется ночь в древесные стаканы,
и ласк твоих труды медлительно-медвяны,
и прелести твоей не надо темноты.

5. ХВАЛА ТЕБЕ!

Твоё лицо светло, как на иконе,
ты в зное снов святишься как река.
Хвала тебе! Крылаты наши кони.
Как душен век! Как Вечность коротка!

Мне без тебя – ни вдоха, ни глотка.
О, сколько жара тайного в тихоне!
Стыдишься слов? Спроси мои ладони,
как плоть твоя тревожна и гладка.

Отныне мне вовек не будет плохо.
Не пророню ни жалобы, ни вдоха,
и в радость боль, и бремя – благодать.

Кто приникал к рукам твоим и бедрам,
тот внидет в рай, тому легко быть добрым.
О, дай Господь, всю жизнь тебя ласкать

6. ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ

Великая любовь душе моей дана.
Ей радостью такой дано воспламениться,
что в пламени ее рассыпались страницы,
истлела волчья шерсть и стала высь видна.

и я узнал, что жизнь без чуда холодна,
что правда без добра ловчит и леденится,
что в мире много правд, но истина одна,
Разумных миллион, а мудрых единицы,

что мир, утратив стыд, любовью то зовет,
когда у божества вздувается живот
и озорство добра тишает перед прозой.

Исполненный тоски за братьев и сестер,
я сердце обнажил и руки распростер

и озарил простор звездой черноволосой.

7. НЕ ЖЕНА

Нет, ты мне не жена.
 Так звать тебя не надо.
 Как старость, тяжела
 семейная прохлада.
 А мы до самых щек
 Теплы, как от пожара,
 И стариться еще
 Нам не за что, пожалуй.
 Еще не завелось
 достатка и богатства,
 и золото волос
 пока что не погасло.

Нет, ты мне не жена.
 Я слово слаще знаю.
 Ты вся, как тишина, -
 телесная, лесная.
 Наш дом открыт для всех,
 лишь захоти остаться,
 В нем не смолкает смех
 и не скучает счастье.
 О, музыка и зной
 тех слов, что ты мне шепчешь
 пастушкой ночной
 поступков сумасшедших!..

Нет, ты мне не жена,
 бродяжка и бесенок,
 ты вся отражена
 в глазах моих бессонных.
 Ты – пролесок лесной,
 и медом дальних пахот,
 дымящейся весной
 твои ладони пахнут.
 Коснись моей листвы,
 кружись певучей пчелкой
 и жизнь мою лишь ты
 переправляй и черкай.

Я губ твоих желал,
 как простоты и света.
 Нет, ты мне не жена,
 И песенка не спета.

8. ТВОЙ СВЕТ

Когда весь жар, весь холод был изведен,
 и я не ждал, не помнил ничего,
 лишь ты одна коснулась звонким светом
 моих дорог и мрака моего.

В чужой огонь шагнула без опаски
и принесла мне пряные дары.
С тех пор иду за песнями запястий,
где все слова значимы и добры.

Моей пустыни холод соловьиный,
и вечный жар обветренных могил,
и небо пусть опустятся с повинной
к твоим ногам, прохладным и нагим.

Побудь еще раз в россыпи сирени,
чтоб темный луч упал на сарафан,
и чтоб глаза от радости сырели,
и шмель звенел, и хмель озоровал.

На свете нет весны неизносимой:
в палящий зной поляжет, порыжев,
умрут стихи, осыплются осины,
а мы с тобой навеки в барыше.

Кто, как не ты, тоску мою утешит,
когда, листву мешая и шумя,
щемящий ветер борозды расчешет
и затрещит роса, как чешуя?

Я не замерзну в холоде декабрьском
и не состарюсь в тёмном терему,
всем гулом сердца, всем моим дикарством
Влюбленно верен свету твоему.

9. ТАКОЙ ОСТАНЬСЯ

Твои глаза светлей и тише
Воды осенней, но, соскучась,
Я помню волосы: в них дышит
Июльской ночи тьма и жгучесть.

Ну где еще отыщет память
Такую грезящую шалость,
В которой так ночное пламя б
С рассветным льдом перемешалось?

Такой останься, мучь и празднуй
Свое сиянье над влюбленным, -
Зарей несбыточно-прекрасной,
Желаньем одухотворенным.

10. В ДОЛГУ

Все деревья, все звезды мне с детства тебя обещали.
Я их сам не узнал. Я не думал, что это про то.
Полуночица, умница, черная пчелка печали,
не сердись на меня. Посмотри на меня с добротой.

Как чудесно и жутко стать сразу такими родными!

Если только захочешь, всю душу тебе отворю.
Я твержу как пароль каждым звуком хмелящее имя,
я тревожной порой опираюсь на нежность твою.

Не цветными коврами твой путь устилала усталость,
окаянную голову северный ветер сечет.
Я не встречу с тобой. Я с тобой никогда не расстанусь.
Отдохни в моем сердце, покуда стучится еще.

Задержишься хоть на миг – ты приходишь с таким опозданием.
Пусть до смертного часа осветит слова и труды
каждый жест твоих рук, обожженных моим обожаньем.
Чудо жизни моей, я в долгу у твоей доброты.

11. В ЛЕСУ

В лесу, где веет Бог, идти с тобой неспешно...
Вот утро ткет паук – смотри, не оборви...
А слышишь, как звучит медлительно и нежно
в мелодии листвы мелодия любви?

По утренней траве как путь наш тих и долог!
Идти бы так всю жизнь – куда, не знаю сам.
Давно пора начать поклажу книжных полок –
и в этом ты права – раздаривать друзьям.

Нет в книгах ничего о вечности, о сини,
как жук попал на лист и весь в луче горит,
как совести в ответ вибрируют осины,
что белка в нашу честь с орешником творит.

А где была любовь, когда деревья пахли
и сразу за шоссе кончались времена?
Она была везде, кругом и вся до капли
в богослуженье рос и трав растворена.

Какое счастье знать, что мне дано во имя
твое в лесу твоим лишь верить и молчать!
Чем истинней любовь, тем непреодолимей
на любящих устах безмолвия печать.

12. БЕЛОЕ ОЗЕРО

Давай засвищем, флейта, в лад
напевам осени,
авось отыщем чей-то клад
на Белом озере.

Туда, в заветные места,
на горе ворогу
айда чуть свет, моя мечта,
нагою по лугу.

Там сказка розовой земли
и школа Корчака,

где пьют амброзию шмели
из колокольчиков.

И, от невидимых болот
спасая узника,
поет всю Вечность напролет
лесная музыка.

Там можно душу уберечь
и песню выпасти
и растворить мирскую речь
в древесной тишине.

Когда из чаши лик живой,
дыша, просунется,
не испугается его
душа – разумница.

Пока наш взор следить готов
за вихрем беличьим,
всех наших бедствий и грехов
редеет перечень.

13. ЛЕСНАЯ МУЗЫКА

«Тяжел черед» - зов ветра вслед
напевам осени,
где желт и розов бересклет
на Белом озере.
Скатилось лето колесом,
пожухли желуди,
и стал печальным карий сон
вдохнувшим холоде.

Поранишь душу об мороз –
поверишь в заповедь:
пора меж сосен и берез
мечту закапывать.

Собьют ли с ног, придет ли срок
напевам осени,
заройте зарево в песок
на Белом озере.

Ах, я не воин никакой,
игрок на лире я,
и пусть споет за упокой
речная лилия.

14. ЧЕМ НЕ РАЙ?

Уже картошка выкопана,
и, чуда не суля,
в холодных зорях выкупана
промокшая земля.

Шуршит тропинка плюшевая:
 весь сад от листьев рыж.
 А ветер, гнезда струшивая,
 скрежещет жестью крыш.

Крепки под утро заморозки,
 под вечер сух снежок.
 Зато глаза мои резки
 и дышится свежо.

И тишина, и ясность...
 Ну, словом, чем не рай?
 Кому-нибудь и я снюсь
 в такие вечера.

15. ПРИГОТОВЛЕНИЕ БОРЩА

Моя подруга варит борщ.
 Неповторимая страница!
 Тут лоб как следует наморщъ,
 Чтоб за столом не осрамиться.

Её глазенушки светлы.
 Кастрюля взвалена на пламя,
 и мясо плещется в компании
 Моркови, перца и свеклы.

На вкус обшарив закрома,
 лохматая, как черт из чащи,
 постой, пожди, позаклинай,
 чтоб получилось подходяще.

Ты только крышку отвали,
 и грянет в нос багряный бархат,
 куда картошку как бабахнут
 ладони ловкие твои.

Ох, до чего ж ты хороша,
 в заботе милой раскрасневшись
 (дабы в добро не вкралась нечисть),
 душой над снедью вороша.

Я помогаю чем могу,
 Да только я умею мало:
 толку заправочное сало,
 капусту с ляды волоку.

Тебе ж и усталъ нипочем,
 добро и жар - твоя стихия.
 О, если б так дышал в стихи я,
 как ты колдуешь над борщем!

но труд мой кривду ль победит,

беду от родины отгонит,
насытит ли духовный голод,
пробудят к будням аппетит?..

А сало, желтое от лет,
с цибулей розовой растерто,
и ты глядишь на божий свет,
хотя устало, но и гордо.

Капуста валится, плеша,
и зелень сыплется до кучи,
и реет пряно и могуче
благоухание борща.

Теперь с огня его снимай
и дай бальзаму настояться,
и зацветет волшебный май
в седой пустыне постоянства.

Владыка, баловень, кашей,
герой, закованный в медали,
и гений – сроду не едали
таких породистых борщей.

Лишь добрый будет угощен,
лишь друг оценит это блюдо,
а если есть меж нас иуда, -
пусть он подавится борщом!..

Клубится пар духмяней рош,
лоснится соль, звенит посуда...
Творится благодное чудо –
моя подруга варит борщ.

16. ОСЕНЬ

О синева осеннего бесстыдства,
когда под ветром, желтым и косым,
приходит время помнить и поститься
и чад ночей душе невыносим.

Смолкает свет, закатами косим.
Любви - не быть, и небу – не беситься.
Грустят леса без бархата, без ситца,
и холодеют локти у осин.

Взывай к рассудку, никни от печали,
душа – красotka с зябкими плечами,
давно ль была, как птица, весела?

Но синева отравлена трагизмом,
и пахнут чем-то горьким и прокислым
хмельным-хмельные вечера.

17. ПОПУТАННЫЕ БЕСОМ

Тебя со мной попутал бес
шататься зимней чашей,
где ты сама была как лес,
тревожный и молчащий.

В нем снег от денного тепла
лежал тяжел и лепок –
и стыли ножки у тебя
в ботиночках нелепых.

Мы шли по лесу наугад,
навек, напропалую,
и ни один не видел гад,
как я тебя целую.

Дышал любимой на виски
и молча гладил руки
и задыхался от тоски
и нестерпимой муки.

Нам быть счастливыми нельзя,
а завтра будет хуже, -
и лишь древесные друзья
заглядывали в души.

Да с лаской снежная пыльца,
неладное почуяв,
касалась милого лица
и горьких поцелуев.

18. ХОРАЛ

Дай заглянуть в глаза твои еще хоть.
Скажи хоть раз, что ты была не сном...
Под сапогами, черными, как деготь,
Кричит заря в отчаянье смешном.

Святые спят. Их плачем не растрогать.
Перепились на пиршестве ночном.
Лишь чей-то возглас: «Господи, начнем!»
И детский крик. И паника. И похоть.

На небесах горит хорал кровавый.
Он сбрасывает любящих с кровати.
Он рушит стены, грозен и коряв.

Кричит в ночи раздавленное детство,
И никуда от ужаса не деться,
Пока гремит пылающий хорал.

19. МУЗЫКА ЗИМ

О, когда ж мы с тобою пристанем
К островам с ворожкой и блистаньем,

Где родная душе тишина
Нежным холодом опушена?

У себя на земле, к сожаленью,
Мы презрели божественной ленью
И не верим небесным дарам
Под мучительный трам-тарарам.

Там стоят снеговые хоромы,
с ночи полные света и дремы,
и поземка в потемках шалит,
как безумное сердце Лилит.

С первым солнышком выйдем из дому
побродить по снежку молодому.
Дальний блеск, белизна, благодать, -
а нельзя ничего передать.

С добрым утром, царевна Ворона!
Где твоя золотая корона?
Черный бархат на белом снегу
никому подарить не смогу...

Напой ж нас грозovým бальзамом,
зимний рай, где остаться нельзя нам,
потому что и с музыкой зим
неизбежностью души казним.

20. ДО СВИДАНИЯ

В январе на улицах вода,
темень с чадом.
Не увижу неба никогда
Сердцем сжатым.

У меня из горла – не слова –
боли комья.
В жизни так еще не тосковал
ни по ком я.

Ты стоишь, как Золушка, в снегу,
ножки мочишь.
Улыбнись мне уголками губ,
если можешь.

В январе не разыскать следов.
Сны холонут.
Отпусти меня, моя любовь,
камнем в омут.

Мне не надо больше смут и бед,
славы, лени.
Тихо душу выдохну тебе
на колени.

Упаду на них горячим лбом.
Ох, как больно!
Вся земля – не как родильный дом,
а как бойня.

В первый раз приходит Рождество
в черной роли.
Не осталось в мире ничего,
кроме боли.

И в тоске, и в смерти сохраню
отсвет тайны.
Мы с тобой увидимся в раю.
До свидания.